

ВОПРЕКИ ВРЕМЕНИ: К 75-летию Александра Петровича Каждана

Мы дали такое название своему небольшому эссе, потому что Александр Петрович всегда умел и умеет жить именно вопреки времени, сохраняя свой стиль мышления, свой стиль творчества, собственный стиль жизни. Он испытал множество невзгод на жизненном пути; подобно Одиссею, он попадал в кораблекрушения, у него были свои Сцилла и Харибда, но, вопреки всему, у него была и есть своя Итака, остров творчества, уединенный мир византийских штудий, трепетно охраняемый верной и мудрой Пенелопой – Мусей Каждан.

Принцип Александра Петровича – *nulla dies sine linea*. Опубликовав первую статью в 1949 г., к 50-летней вехе своего творчества ученый вступает в пору щедрой плодами багрянолистной осени. Он обрел славу как аналитик византийской цивилизации, начав на этой стезе нашумевшей в свое время книгой “Культура Византии X–XII вв.” (Москва, 1968). В монографиях вашингтонского периода – “Народ и власть в Византии” (Лондон, 1982 – в соавторстве с Дж. Констеблом), “Перемены в византийской культуре в XI–XII вв.” (Беркли; Лос Анджелес; Лондон, 1985 – в соавторстве с А. Эпштейн) и ряде других – эта проблематика была доведена до концептуальных высот. На день 70-летия у А.П. Каждана насчитывалось около 700 различного рода работ – от монографий до небольших эссе и рецензий, причем ни один – даже самый маленький – опус не был написан без вдохновения. Теперь исследований стало значительно больше. Уже закончен первый том фундаментального труда по истории византийской литературы – самого любимого на сей день детища ученого.

А.П. Каждана безусловно можно назвать одним из немногих создателей общей концепции истории Византии. Его теория “*homo byzantinus*”, ставшая венцом его творчества, является итогом многолетних изысканий в различных сферах жизни Византии и византийцев – аграрной, городской, социальной, политической, правовой, этической, духовной. В инструментарии ученого – линзы микро- и телескопического эффекта: он всегда шел от факта к концепции, от концепции к факту. Произвести реестр идей, тем, сюжетов, исследованных А.П. Кажданом, было бы здесь невозможным. Но нельзя не назвать его изысканий в области микро- и макроструктур византийского общества, его социальной стратификации, векторов его развития. Исследование А.П. Кажданом такой социальной категории как знать, основанное на новейших для своего времени принципах просопографического анализа, стало для одного из авторов данного текста путеводной нитью в лабиринтах научного поиска. Всеми своими тру-

дами ученый спорит с веками сложившимся негативным взглядом на Византию как на общество неподвижной консервативности. Так, он острее других видит в эпохе “темных веков” цезуру между античной и средневековой Византией, сочтя возможным назвать время 1000–1204 гг. периодом “вестернизации”.

Нарисовав однажды образы ученых-антиподов – идеального служителя истины, живущего в башне из слоновой кости, и модерниста, стремящегося изучить факты прошлого для понимания современности, – сам А.П. Каждан соединил в себе то лучшее, что характерно для этих двух типов ученых.

Александр Петрович сетует порой, что возле него нет учеников. Можно ли в самом деле говорить о каждановской научной школе? Мы уверены, что да, можно, и сами хотели бы иметь честь быть к ней причисленными. А.П. Каждан оказал формирующее воздействие на целое поколение византинистов, как совсем молодых, так и шедших уже по пути самостоятельных научных изысканий. У него учились, на него равнялись, ему следовали. “Что скажет об этом Каждан?” – думают многие и теперь, работая над статьей, книгой или рецензией. И это заставляет их трудиться с полной отдачей.

Особо активное воздействие исследований А.П. Каждана на состояние отечественной гуманитарной науки началось с того момента, который был переломным и для самого ученого. Обратившись к структурному видению общества и доведя его до уровня культурологического синтеза, уже своей статьей об Евстафии Солунском (1967) А.П. Каждан обратил на себя взоры тех, кто жаждал нового.

Ученый всегда хотел видеть вокруг себя единомышленников: он высоко чтит кодекс византийской “ученой дружбы”. Можно вспомнить его домашний семинар 70-х годов по чтению и комментированию наиболее сложных произведений византийских авторов. Здесь, в его квартире на Малой Бронной, царил тогда дух интеллектуального единства, порождаемый совместным проникновением в суть средневекового греческого текста. Принцип медленного чтения создавал атмосферу интимной интеллектуальности: мэтр шел по пути поиска истины вместе с учениками. Прекрасный принцип *discipulus docet, discipulus discit* возвышал до осознания коллективного открытия.

Невозможно забыть и лекции А.П. Каждана по византийской литературе, читавшиеся им в стенах МГУ, в те же 70-е годы. Они читались (а точнее произносились, ибо Александр Петрович ни на русском, ни на любом другом языке никогда не читает своих лекций по бумажке) из острого желания быть услышанным и понятым. Эти лекции не только несли новую, непривычную для того времени информацию и подходы, но и создавали поле интеллектуально-эмоционального напряжения – до холодка внутри, как на спектакле великого актера. Это достигалось не столько особым риторическим талантом лектора, хотя он, несомненно, присутствовал, сколько огромной энергетической концентрацией ученого, возникновением биополя высокого потенциала.

Чтобы не возникло некоего розового представления о школе Каждана, стоит вспомнить, что он может быть беспощаден и даже жесток в оценках. Непрофессионализм вызывает у него реакцию неприятия и резкой по форме непримиримости. Но зато как он умеет восхищаться успехами других: новой методикой, неожиданной и смелой гипотезой, интересной находкой, тонким наблюдением, да и просто удачным словом!

Вспоминая пору своего «школярства» у нынешнего юбиляра, авторы этих строк невольно обращаются в мыслях к сократовской школе, ибо многие идеи, сомнения и размышления выговаривались в дальних прогулках – то ли в Москве, от «Академической» до «Ленинского проспекта», то ли в Вашингтоне, в аллеях сада Думбартон Окса и живописных окрестностях города. Александр Петрович – в духе сократовской майевтики – заставляет собеседника идти к самопознанию через поставленные им вопросы, порой резкие и неожиданные.

Обратившись к сфере общения А.П. Каждана, нельзя не вспомнить, какое место в его жизни занимает письмо, и совсем не потому, что волею судеб он оказался оторванным от родных мест и близких друзей. Уже в ставшие давними московские времена Александр Петрович охотно вступал в длительный письменный контакт с теми, кто был ему интересен. Как эпистограф А.П. Каждан далеко превзошел по объему переписки знаменитого византийского ученого Димитрия Кидониса, оставившего 449 эпистол. Талант письмописания в наш электронный век весьма редок и поэтому может особенно много сказать об авторе писем. Для Александра Петровича письмо – это весьма часто возможность поспорить, т.е. осуществить то, чего обычно, в силу суетности, не дают конгрессы и конференции. Как не вспомнить письма А.П. Каждана в далекую провинцию, Свердловск, к профессору М.Я. Сюзюмову. Это был долгий спор двух ученых о сущности такого феномена, как византийский город. М.Я. Сюзюмов сравнивал их спор со средневековым турниром из-за Прекрасной Дамы – ἡ πόλις. Особенно страстно, как пошутил уральский адресат А.П. Каждана, они обсуждали прелести этой дамы, т.е. назначение функций города как института.

Александр Петрович, кажущийся порой недоступным, а иногда и легким в силу его убийственной сатиричности, в письмах щедр душой, несколько лиричен, склонен к раздумьям, философичности. Сотни его писем, разбросанные по разным адресам, могли бы много сказать об их авторе, но эта сторона творческого самопроявления ученого пока остается тайной.

Уехав из России, А.П. Каждан неожиданно для всех и, вероятно, для себя самого, стал в какой-то степени пропагандистом российского византиноведения. Будучи аниматором «Оксфордского словаря по византистике», он ввел в научный аппарат словаря множество работ российских исследователей. Им задумана серия портретов наших византинистов, в которой первым (и пока, правда, единственным) стал портрет М.Я. Сюзюмова, написанный щедрой кистью.